

**Сибириада Анатолия Омельчука:
текстовые категории и ментально-специфический
тип сибиряка***

Татьяна Ицкович

Наталья Купина

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**Anatoly Omelchuk's Sibiriad:
Textual Categories and the Mental-specific Type of the Siberian**

Tatiana Itskovich

Natalia Kupina

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article examines *The River Returns*, an autobiographical novel by Anatoly Omelchuk. The aim of the study is to identify the categorical features of the Siberian text, which make it possible to reconstruct the mentally specific type of the Siberian. The application of the method of categorical text analysis, accompanied by the methods of semantic, linguistic and linguistic-axiological interpretation of linguistic means, including regionalisms, contributes to the achievement of the goal. It is established that the integrity of the novel, consisting of 169 short stories and novellas, is formed on the basis of the categories of space, time and the author's image. The axiologically marked units of the onomastic lexicon are specially selected for description. Toponyms, oronyms, and hydronyms function as elements of the textual field of locality, the core of which is the keyword Siberia. It is proved that the unique space of Siberia is understood in the context of linear and "causal" time and historical past. The post-war reality, the years of the thaw and the post-Soviet present prove to be significant for

* *Citation:* Itskovich, T., Kupina, N. (2024). Anatoly Omelchuk's Sibiriad: Textual Categories and the Mental-specific Type of the Siberian. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 3. P. 937–952. DOI 10.15826/qr.2024.3.917.

Цитирование: Itskovich T., Kupina N. Anatoly Omelchuk's Sibiriad: Textual Categories and the Mental-specific Type of the Siberian // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 3. P. 937–952. DOI 10.15826/qr.2024.3.917 / Ицкович Т., Купина Н. Сибириада Анатолия Омельчука: текстовые категории и ментально-специфический тип сибиряка // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 3. С. 937–952. DOI 10.15826/qr.2024.3.917.

the author's biographical period. It is noted that the "mosaicism" of the text is overcome by biographical statements, on the basis of which the reader perceives the pictures of life in Siberian settlements and clarifies the established ideas about the dynamics of the social and community structure of the Siberian region. The results of the analysis make it possible to conclude that the construction of the author's image is inextricably linked with the native village of Mogochino, the parental home, classmates, mentors, as well as the timber factory, which, together with the school, introduces the idea of educating the builders of socialism. Work, sport, reading, communication with nature – all this contributes to the formation of the Siberian traits mentioned in the article. The vectors of the dynamics of the author's image are identified on the basis of the analysis of the motif of the clash of political imperatives and constants of the all-Russian mentality. The interpretation of the transcripts of fates helps to outline the characteristics of the Siberian mentally specific type of character: spirituality, free love, diligence, openness, selflessness, desire to know the nature of the region, to preserve its cultural heritage and linguistic identity, truthfulness, as well as the ability to resist and confront political imperatives, awareness of the right to personal axiological choice, adherence to timeless moral values.

Keywords: 21st-century Russian literature, genre of autobiography, categories of space and time, mental constants, author's image, ideological imperatives, regionalism, type of the Siberian

Рассмотрен автобиографический роман Анатолия Омельчука «Река возвращается». Цель исследования – выявление категориальных особенностей сибирского текста, позволяющих воссоздать ментально-специфический типаж сибиряка. Реализации целевой установки способствует использование процедуры категориально-текстового анализа, которая сопровождается приемами смысловой, лингвостилистической и лингвоаксиологической интерпретации языковых средств, в том числе регионализмов. Установлено, что целостность романа, включающего 169 рассказов и новелл, формируется на базе категорий пространства, времени и образа автора. Специально выделены для описания аксиологически маркированные единицы ономастического лексикона. Топонимы, оронимы, гидронимы выступают как элементы текстового поля локальности, ядром которого является ключевое слово *Сибирь*. Доказано, что уникальное пространство Сибири осмысливается в контексте линейного и «причинного» времени и исторического прошлого. Значимыми для биографического времени автора оказываются послевоенная действительность, годы оттепели, постсоветское настоящее. Отмечено, что мозаичность текста преодолевают биографические высказывания, на базе которых читатель воспринимает картины жизни сибирских поселений, уточняет сложившиеся представления о динамике социально-общественного устройства сибирского региона. Результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что конструирование образа автора неразрывно связано с родной деревней Могочино, родительским домом, одноклассниками, наставниками, а также *лесозаводом*, внедрявшим совместно со школой идею воспитания строителей социализма. Труд,

занятия спортом, чтение, общение с природой – все это способствовало становлению отмеченных в статье свойств сибирского характера. Выявление векторов динамики образа автора проведено на основе анализа мотива столкновения политических императивов и констант общероссийской ментальности. Интерпретация *стенограмм судеб* позволила очертить особенности ментально-специфического типажа сибиряка: это духовность, вольнолюбие, трудолюбие, открытость, бескорыстие, стремление познать природу края, сохранить его культурное наследие и языковую самобытность, правдолюбие, а также способность к сопротивлению и противостоянию политическим императивам, осознание права на персональный аксиологический выбор, приверженность вневременным нравственным ценностям.

Ключевые слова: русская литература XXI в., жанр автобиографии, категории пространства и времени, константы ментальности, образ автора, идеологические императивы, регионализм, типаж сибиряка

Томские исследователи, обобщая творческий путь Анатолия Омельчука, отмечают, что он является «автором 40 книг прозы, поэзии, публицистики и эссеистики о любви к Сибири. Задача понять Сибирь как планетарный, исторический и культурный феномен становится его жизненным предназначением» [Дворцова, 2012; см. также: Быков]. Объект анализа – текст романа А. Омельчука «Река возвращается» [Омельчук]¹. Отвечая на вопросы читателей о смысле заглавия, автор [см. о нем: Дворцова, б. г.] приводит известное изречение древнего философа «В одну реку нельзя войти дважды» и формулирует собственное суждение: «Реки детства текут к истоку, и вообще – река возвращается» [Реки – по Омельчуку – возвращаются]. Истоки (начала всех начал) – культурное наследие Сибири, осмысливаемое «сквозь призму истории, смыслов и ценностей», накопленного «символического капитала, служащего... опорой в настоящем и стартом для будущего, лежащего в основе конструирования... идентичности» сибирской [Пархоменко, с. 124, 140], неразрывно связанной с общенациональной российской. Цель исследования – выявление категориальных особенностей сибирского текста, позволяющих воссоздать ментально-специфический тип сибиряка.

Композиция романа отличается мозаичностью. Объединенные текстовыми категориями пространства и образа автора, короткие рассказы и новеллы создают целостную картину жизни сибиряков в контексте реального времени, позволяют автору включить в повествование стенограммы человеческих судеб, сложившихся не только под влиянием политических репрессий и жизненных лишений, но и вопреки им благодаря взаимодействию человека с сибирским

¹ Извлечения из текста передаются курсивом с сохранением орфографии и пунктуации источника по указанному изданию. Соответствующие страницы указываются в круглых скобках.

пространством и людьми, близкими по духу. Автор стремится приблизиться к разгадке *царственной тайны Сибири* (с. 356), тайны негиблемости сибирского духа.

Сибирское пространство

Ключевой в сибириаде является универсальная текстовая категория пространства, «с помощью которой содержание текста соотносится с осью пространства: местом текстовых событий или действия персонажей. Текстовое пространство может представлять собой отраженное подобие реальной действительности или ее субъективное преломление» [Матвеева, 2010, с. 483]. Данная категория эксплицирована в тексте А. Омельчука при помощи прямых и косвенных указателей.

Сибирь мыслится как материк, позволяющий его обитателям воспринять сопредельные и отдаленные географические территории и одновременно испытать сокровенное для островитян чувство экзистенциального одиночества, сопряженное с отчаянием: *Север – большое безлюдье. Особенно в такую черную непогоду. Ты особенно ясно осознаешь: встань лицом к северу – и на тысячу верст тебе не встретится ни единое живое существо. Встань на запад – впереди безлюдные горы. Встань к востоку – отчаянное безлюдье. С юга ты отрезан от всех неприветливой сегодня холодной беспощадной Обью. Ты один. До человечества не докричаться* (с. 186–187).

Прямые сигналы сибирского пространства – единицы ономастической лексики: гидронимы *Обь, Протока, Иртыш*, оронимы *Алтай*, топонимы *Томск, Тюмень, Тобольск, Омск, Надым, Мурманск, Норильск*. Аксиологическую маркированность приобретают названия сибирских деревень и поселков (*Могочино, Абалак, Носок*), железнодорожных станций (*Тайга, Колывань* и др.). Представления о неозримости Сибири передают лексические конкретизаторы с пространственным значением: *Мангазея – это далеко, даже по северным меркам очень неблизко. Неблизкий свет* (с. 343).

Географические наименования позволяют читателю составить представление о карте Сибири, на которой выделяются крупные объекты (*Таймыр, Полярный круг Салехарда, Кривая Лука Оби*) и территориальные точки глубинного пространства (*Сарафановка, Сузлат*). Их функциональная нагрузка в тексте зависит от значимости для автора-сибиряка и роли в развитии сюжета судьбы персонажей.

Сибирь – это не край света, а родной дом, тепло человеческих отношений, прежде всего семейных и профессиональных. Закономерно, что воспоминания автора-рассказчика о детстве связаны с близкими родственниками, живущими в небольшом поселке: *...в Сарафановке живут дед Яков, бабка Улита, дядя Коля, безрукий дядя Алексей. Тьма родни. Но только тете Поле доверяет меня мать* (с. 9).

Детство автора и его друзей проходило у Протоки: *Могочино стоит на Оби. <...> У лесозавода была даже собственная речка. Специальная технологическая речка. Называлась – Протока. Мы, пацанва,*

честно считали, что это настоящая река. Но ее когда-то выкопали, прорыли, это была искусственная речка. Она, правда, вела себя естественно, в половодье затопляла остров. **Остров**, на котором жили отчаянные могочинские островитяне (с. 19).

С каждой точкой на карте страны связаны события из жизни рассказчика, в том числе профессиональной: В первую командировку на **Таймыре** меня послали в **Носок. Деревню Носок**. Райцентр тоже носил подобающее имя: **Усть-Караул**. Даже для заброшенного **Таймыра** это действительно был – караул (с. 197); Мы возвращались из **Корликов** в **Нижевартовск** (с. 187).

Гидронимы сопровождаются экспрессивами-интенсивами, не подавляющими рационального оценивания. Так, Обь характеризуется как *река стремительная, омутистая, водоворотистая*. <...> Обь – **коварная речушка** (с. 20); Весенняя Обь – **это тебе не шуточки**. Речка бурная, **грозная, мощная** (с. 36); *какая у нас Обь широкая* (с. 66).

На базе ономастической лексики формируется уникальный образ сибирского пространства: Обь – *река холодная. Сибирская. С ледяного Алтая катится* (с. 64); **Настоящая Сибирь, исконная, мощная. Ожерелье: Тобольск, Енисейск, наше Усолье Сибирское и Охотск** (с. 394).

Как следует из приведенных извлечений, пространство Сибири предстает в тексте как объективное, «представляющее собой отраженное подобие реального мира, пропущенное через восприятие субъекта» [Матвеева, 1990, с. 32]. Пространственные образы эксплицированы в тексте через базовые единицы языкового поля локальности, оценочный потенциал которых поддерживается характеризаторами, мотивирующими формулу *родная и любимая Сибирь* (с. 392). Категория пространства эксплицирована также через косвенные указатели [Матвеева, 2024], к которым относятся и ментально-специфические черты регионального лингвокультурного типажа сибиряка, их речевое воплощение. Данная категория связана с категорией времени, образуя феномен хронотопа [см.: Бахтин], что является отличительным признаком художественного стиля речи, к которому принадлежит анализируемый текст.

Биографические высказывания в контексте реального пространства и времени

Анализируемый текст – образец биографической прозы, «сюжет которой строится на основных и типических моментах жизненного пути автора: рождение, детство, годы учения, брак, устройство жизненной судьбы, труды, дела...» [Бахтин, с. 196]. Категория образа автора «объединяет всю систему речевых структур персонажей», является «идейно-стилистическим средоточием, фокусом художественного целого» [Виноградов, с. 18]. Составляющие стержень сибирского текста «Я-высказывания» неотделимы от «Мы-высказываний», ибо «Мы» – «это единство самой множественности, единство всего раздельного и противоборствующего» [Франк, с. 448–449] – семьи,

поколения, земляков, единомышленников: *Мы росли вместе, учились вместе, пацаны с улицы Мичурина. Сверстники. Одногодки 46 года. Послепобедного. Дети победы* (с. 40). Глагольные, а также именные, «таксономические и характеризующие предикаты» [Арутюнова, с. 8], позволяют сконструировать представление о становлении личности автора-рассказчика в социокультурном, пространственном и темпоральном контексте проживаемого времени.

Осмысление собственного «я» неразрывно связано с социально-производственными особенностями жизнеустройства сибирских поселений в советское время [см. об этом: Ностальгия по советскому, с. 199]. С детства коренной житель деревни привыкает к труду заводчанина. При доминировании промышленного производства неактуальным становится классовое различие между крестьянами и рабочими. Закономерно, что в толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова с опорой на прецедентное высказывание «вождя народов» зафиксировано словосочетание *сельскохозяйственное производство: Мы создали самое крупное в мире сельскохозяйственное производство* (Сталин) [ТСУ, т. 3, с. 936]. Политика партии и правительства, как свидетельствуют биографические высказывания, формирует *пролетарский феодализм* (с. 21) и особый типаж производственника: *Я вырос на лесозаводе. Конечно, я рос в родном Могочино, но в нем тогда, в пору моего детства, все подчинялось, все принадлежало лесозаводу. Вся жизнь крутилась, в том числе и детская...* (с. 19); *Я... стал подрабатывать на заводе, с пацанами опилки грузить или срезку* (с. 21).

На шкале продленного биографического времени в пространстве родного Могочино редуцируется символическая нагрузка сочетания заводской гудок. Ср.: *Я рос и вырос под заводской гудок* (с. 21); *Когда-то он прекратился, замолчал заводской гудок. Я не заметил. Может, после того, как я уехал учиться в университет. Наверное, сама жизнь началась* (с. 22).

В сознании автора всплывают в памяти картины раннего детства: ставший навсегда родным родительский дом, бытовые трудности, которые приходилось преодолевать жителям сибирской деревни: *18 лет я жил в отцовском доме* (с. 29); *Я даже не догадывался, что живу в семье репрессированного* (с. 149). Скудный вещный мир, непрекращающийся дефицит товаров первой необходимости превращают в памятное событие рядовой эпизод: *Я в тот день впервые сапоги надел. Кирзовые. <...> А до этого жизнь шла босиком* (с. 30). Босоногое детство сопровождается формированием любви к чтению. В Могочино библиотека открывает двери даже для дошкольников: *...еще до школы я записался в библиотеку в рабочем клубе, и первая библиотечная книга, которую я принес на дом, была... «Капитал» Маркса. Маркс мне не пошел, и я принес «Войну и мир»* (с. 31).

Для становления личности определяющим является пространство родного дома: *Читал я под керосиновой лампой, керосинкой: лампочка Ильича у нас частенько тухла* (с. 60). Ироническая

тональность вытесняет навязываемую патетическую. Ср.: «Электрические лампочки в домах крестьян... горели – ярко и неугасимо» [Мокиенко, Никитина, с. 306]. Реальность обнаруживает надежность керосинки.

Для детей созданы условия, способствующие формированию навыков верховой езды: *На лесозаводе был конный двор. <...> Я провел свое первое детство в конюховке, на конюшне* (с. 86). При поддержке промышленного предприятия могочинская школа успешно осуществляет задачу воспитания гармоничной личности: *Конечно, я спортсмен. Чемпион по марафону. Три километра – моя коронка* (с. 50). Одновременно автор идентифицирует себя как *школьный эстет* (с. 286), *деревенский интеллект* (с. 99), свободно обсуждающий с друзьями по духу ценностные предпочтения, вербализованные в прочитанных художественных произведениях.

В описываемую автором эпоху государственный образовательный проект был направлен на последовательное конструирование морального облика советского человека в соответствии с «эволюционной лестницей» [Вайль, Генис, с. 113]: октябрят (с 7 до 10 лет); пионеры (до 14 лет); затем комсомольцы [см.: Мокиенко, Никитина, с. 396–397, 436, 273–274]. На базе идеологических императивов в сознание школьников внедрялись мировоззренческие константы, лежащие в основе марксистско-ленинского учения. Приведем один из примеров, позволяющих осмыслить центры влияния на становление личности: *Октябряткам у нас полагалось быть безбожниками*. В то же время сложившиеся традиции семьи способствуют ослаблению модальности долженствования и, соответственно, атеистического максимализма: *Не отличаясь особой ретивостью в вопросах веры, всегда помню: я крещеный* (с. 139). Отметим, что мотив столкновения идеологических императивов и констант общероссийской ментальности является в тексте сквозным.

Сакрализация образа мудрого вождя и учителя трудового народа способствовала аксиологической субституции: Сталин с детства воспринимался как всемогущий бог и отец. Его смерть – трагическое событие, оставившее в памяти неизгладимое впечатление: *Первое страшное в жизни у меня: Сталин умер!* (с. 31); *Бабы слушают репродуктор и ревет. <...> Мать ревет. <...> Может, завтра жизнь завершится. У всех. Называется: Сталин умер* (там же).

Жизнь – это труд. И она продолжается. Спецификой отмечено трудовое воспитание сибирских школьников: поощрялась работа руками и на лесозаводе, и на земле. Глава семьи выступает как наставник: *Отец научил меня косить* (с. 25). Эмоциональной энергией заряжено малознакомое другому народу слово «корчевка» – *знаковое в моей жизни, обозначающее место сенокоса на заливном лугу, когда-то заросшее лесными порослями* (там же).

Радость бытия и возможность остаться наедине с собой дарует природа: *Надо мной сияло бездонное небо, приютившее меня, и я схо-*

дил с ума от запаха скошенных трав. Я знал, что... всегда будешь ты, небо и сводящий с ума запах (с. 26).

Памятные эпизоды детства – время, проведенное на реке: Могочи-но стоит на Оби. <...> У лесозавода была даже собственная речка. <...> Протока. Мы (пацанва)... в этой Протоке купались. С бревен. Или с плотов. Водных прогалов там было негусто. Выберешь плот, прогал и плаваешь. Замечательно нырять под бревна. Сначала под одно, под два, под три сразу. А если под целый плот – уже герой. И бегать по бревнам. <...> Не рассчитал, соскользнул – в воду, под бревно. Можно и головой по бревну. <...> Даже сейчас представить себе не могу – весь летний день на этих бревнах. Волчком. Верчком (с. 19). Вспоминается широкая Обь, первый заплыв: ...я плыву по вольной Оби, поперек. <...> Ребята переплывали. Говорят – запростяк. Я – в первый раз... устал. Умаялся. Умаялся. Кажется, обессилел (с. 93, 95). Преодоление непреодолимого стало возможным благодаря моральной поддержке товарищей, выкрикивавших: *Вперед! Толя, ты сильный!* Обобщающее аксиологическое суждение: *Если я и был когда отважным в жизни, то тогда, там. На бревнах* (с. 20).

Пространство вольной реки гармонически сочетается со свободолюбием подростков, их стремлением к не скованному императивами существованию. Сила духа, смелость, отвага, осознанное умение рисковать, бережное отношение к природе – все эти черты сибирского характера постоянно формируются не только под влиянием семьи, друзей, но и при участии в воспитании взрослых соседей, нередко иронически, но всегда с пониманием относящихся к детским слабостям: Он (дядя Гена, богатырь) звал меня «жижа». Видимо, хлипковат я был в пацанах. <...> Он меня брал в лес, ближнюю тайгу на заготовку дров: березу пилить. <...> Я уже подрос, вымахал, сравнялся, в студенты подался, а у него все «жижа» (с. 163).

Укрепление тела, как и становление «души ощущающей и рассуждающей» [Белый, с. 40], продолжают в течение всей жизни. Для культурно-специфического типажа «человека внутреннего» [см.: Бахтин, с. 89] необходимо личное пространство, позволяющее осмыслить аксиологию бытия. Базовыми являются вневременные нравственные ценности. Об этом свидетельствуют авторские аксиологические суждения. Вот одно из них: *Я проживу свою жизнь честно, никому не завидуя и искренне всем прощая* (с. 27).

Важной для будущей профессии оказывается поощряемая школой и обеспеченная лесозаводом работа в газете, дающая возможность ощутить материальную самостоятельность: *Все-таки были свои прелести в советской действительности. Пионер-юнкор мог на гонорары, заработанные в районной газете, свозить свою старшую сестру-студентку из Сибири через всю страну на Украину. Родина отца – Винницкая область* (с. 82). Аксиологическим центром топонимического ряда остается Сибирь, родная для брата и сестры и ставшая родной для отца – коренного украинца.

Типаж сибиряка, как уже отмечалось, не в последнюю очередь определяется локацией. Значимыми становятся локусы *родного Могочино*, лесозавода, школы, родительского дома и особо – *вольной Оби, Протоки, тайги*.

Интеллектуальные запросы, определившиеся в школьном возрасте, мотивируют выбор вуза: *Мы все, школьные эстеты, поступали на филфак* (с. 286). Яркая страница личной биографии – *учеба в замечательном Томском университете* (с. 102). Шестидесятые – глоток свободы и одновременно вызывающая внутреннее сопротивление необходимость выполнения учебного плана, включающего политизированные дисциплины: *Я сдал ненавистное УНТ заслуженному доценту Антропьянскому. Я досрочно сдал политэкономии ненавистному зануде Калачеву* (с. 165). «Единственно правильная» точка зрения студентов-филологов, склонных к свободному выбору, контролируется партийными деятелями и комсомольскими активистами, которых будущий журналист и писатель воспринимает как *инквизиторов*. Один из эпизодов: *отвечающая за идеологию комсомольская Шура*, отстаивающая линию партии и правительства, отчитывает сокурсника за нарушения этой линии – *за то, что я прочел переводы Ильи Эренбурга и Франсуа (о Ф. Вийоне. – Т. И., Н. К.) мне запал. <...> ... Что я нашел страшные аллюзии в далеком неправильном Средневековье и сравниваю с нашей ласковой действительностью* (с. 167).

Как и другие студенты, повествователь ощущает себя гражданином страны Советов. На колхозных работах в *Иванове-Богословке* однокурсники включаются в социалистическое соревнование, соответствующее *подъему сельского хозяйства: Мы, честные социалисты, честно соревновались* (с. 114), гордясь тем, что труд каждого «вливается в труд» родины. Не забываются *иваново-богословские вечера: студенты перепели весь репертуар советской и зарубежной прогрессивной молодежи шестидесятых годов* (с. 115).

Интеллектуальный взрыв в студенческом сознании происходит под влиянием «великих шестидесятников», бунт которых близок и понятен каждому: *У непочтительных студентов-филологов все запанибрата, они позволяют себе: Андрюха, Белка, Евтух* (с. 53). Жажда свободного поэтического слова охватила сибиряков: *Была весна. Мы (студенты Томского университета) читали свое, друзейво и чужое. Толпа скапливалась. Стихи в весеннем воздухе звучат интимно. <...> Толпа росла и заполняла городскую площадь* (с. 170).

Годы оттепели отмечены возвращением в культурное пространство «самой читающей страны в мире» запрещенных в сталинскую эпоху «политически вредных» литературных произведений: *Среди филологических студентов в моде тогда были Мандельштам, Николай Гумилев, Пастернак* (с. 126). В этот период происходят сдвиги в аксиологическом сознании, обусловленные «верой в то, что можно думать, читать, писать честно, не дожидаясь указаний» [Язык советской эпохи, с. 159]. Наблюдаются изменения в групповой

картине мира и персональных эстетических предпочтениях: *Я написал все сборники Платонова, которыми располагала научка. <...> Прочел – и обомлел. На всю жизнь. Больше никогда такого потрясения не испытывал* (с. 126–127). Интуиция языкового гения, позволившая Платонову понять психологию народа, впавшего в зависимость от тоталитарной идеологии, и предсказать судьбу тоталитаризма [см. об этом: Купина, с. 40–52], стала открытием для начинающего писателя, остро воспринимающего неповторимость художественной индивидуальности: *Это только Платонов родился сразу, как Бог* (с. 113). На мучительный вопрос – *настоящий ли я писатель?* – ответ найден: *настоящий. Я родом оттуда... <...> Родом из детства, из Сибири* (с. 113). Здесь имплицитно символизируется ключевой топоним сибиряды, определяющий «безаналоговость» сибирской литературы.

Уроки вольномыслия, беседы с диссидентами, чтение «допущенной литературы» и самиздата в годы, когда уже не сажали за Набокова, а только за «Архипелаг» и Оруэлла могли привлечь, осмысление формульного творчества литгенералов (правоверных соцреалистов), встречи с сибирскими писателями и поэтами, работа в газете, на радио, телевидении – все это сформировало культурно-специфический типаж автора как сибирского писателя. Закономерно, что его перу принадлежит книга о *Александре Кастрене... <...> ...Который в Сибири искал смысл жизни финского народа* (с. 376, 377). Автор романа обретает смысл собственной жизни и творчества не в Финляндии, Германии, не в Париже, где ему пришлось побывать, а в родной Сибири.

Обладающее живой внутренней формой слово *родной* (р.) в сочетании с существительными, значение которых включает сему локальности, становится в тексте ключевым. Лексическая сочетаемость (*р. земля, р. Сибирь, р. Могочино, р. тайга, р. Томский университет*) позволяет составить представление об укоренении в сибирском пространстве не только могочинцев и томичей, но и людей, волею судьбы ставших сибиряками.

Ментально-специфический типаж сибиряка в проекции на текстовые категории пространства и времени

Сибиряками становятся уроженцы разных городов и весей необъятной страны. Отец автора-рассказчика – украинец из «врагов народа» (с. 142), попавший под идеологический маховик раскулачивания – ликвидации кулаков, состоятельных крестьян-собственников, как класса [см.: Мокиенко, Никитина, с. 296; 297]. Потомственный земледелец, он стал *кадровым рабочим* (с. 56), *трудовым героем* (с. 144), *пролетарием* (с. 24), не утратившим крестьянских навыков: *держал корову* (с. 24); *ловко сгребал сennie грядки в копейки* (с. 26); был *настоящим сибирским мужиком: ишачил, зарабатывал, по-сумасшедшему пахал; детей поднимал. Растил* (с. 29, 30). До гробовой доски он сохранил верность жене Татьяне, своему ненаглядному счастью (с. 149). Первая встреча будущих родителей состоялась в тихом Могочино на Оби

(там же). С течением времени Могочино стало малой родиной и для спецпереселенца *Константина Терентьевича*, и для всей его семьи.

Мать рассказчика также стала «своей» в пространстве Сибири: *она шла в Сибирь из Белоруссии пешком* (с. 212). *Из Могочино уже не уезжала никогда* (с. 149). Штрихи к портрету: *Моя мама особой сентиментальностью не грешит. Крестьянское воспитание. Нежная женщина, но суровая* (с. 6). Бытовые трудности воспринимает безропотно: *в ручье мыла тарелки из-под скорой ушницы* (с. 26); *пекла хлеба; на деревянной чурке топором рубила голову старой, переставшей нести яйца нашей фамильной курице* (с. 397).

Связанные с детскими радостями авторские высказывания-рефлексивы [см.: Вепрева, с. 76] позволяют составить представление о непревзойденности блюд домашнего приготовления: *Такого наваристого супа в жизни я больше никогда не едал; А борщи! А шанежки! А жареная картошка... А незабываемые теплые котлетки, оставленные на сковородке в долго не остывающей печке. А парное молочко свежее, только что из коровы Муськи* (с. 397).

Будучи советской женщиной, мать осознавала жесткость атеистических императивов, но сына тайно крестила и *спрятала крещенский крестик куда подальше, потому что сыну-школьнику пристало носить октябрятскую звездочку, пионерский галстук и комсомольский значок* (с. 139). Способность к духовной обороне позволила ей сохранить домашний уют, взаимопонимание между членами семьи. Образ матери сакрализуется, перемещаясь в космическое пространство: *Теперь у меня святой уголок неба. Родной уголок космоса. Мамин. Можно просто поглядеть. Можно помолиться. Она всегда там – звезда Мама* (с. 512).

Автобиографическое повествование, преодолевая стены родного дома, трансформируется в обусловленную историей сагу о сибиряках разных поколений: «живая история – это прежде всего сумма и сложное взаимодействие конкретных, реальных человеческих судеб – счастливых, трагических, всяких» [Рубинштейн, с. 67]. Формируется «узнаваемый социокультурный типаж» сибиряка [Карасик, с. 10].

Вот *могочинцы – погодки с неповезловой улицы* (с. 40), которых не пощадила судьба-злодейка: *Валера Казак... после первого курса политеха попадет под автобус. Вроде легко отделался, но его отправят в стройбат, и там его так протрясет после сотрясения мозга, что из странноприимного дома он уже не выкарабкается. Вовка Смолев поступил в строительный, но лет в 30 пошел в тайгу за шишками, неудачно упал с кедра, и если не умер, то парализован и прикован к постели. Только Рожнов тоже закончил строительный, и хотя парень был в детстве выдержанный, потихоньку спился* (там же). Запрограммированная линия жизни деревенских интеллектуалов обрывается под влиянием непредвиденного случая, «обязаловки», «русской болезни»...

Линия жизни людей, преступивших советские законы и политические императивы, прерывается тюрьмой. В национальном сознании каторга, изоляция, ссылка ассоциируется с Сибирью. В годы

сталинских репрессий Сибирь стала местом ссылки *недобитых* «врагов народа». Лингвоспецифическая приставка *недо-*, активность которой предсказуемо наблюдается в лагерной поэзии, прогнозирует непрекращающееся преследование тех, кого *недостреляли, недогнули, недоупекли* [Зона, с. 463–464]. Многие из *недобитых*, по свидетельству рассказчика, осели в Сибири, освоили участки сибирского пространства и повседневные практики коренных сибиряков и, разделяя их базовые ценности, ощутили и себя истинными сибиряками: участвовали в строительстве и работе промышленных предприятий и даже завоевывали *славу рыбацких знаменитостей*, охотников и знатоков таежных тайн. О своем прошлом предпочитали не рассказывать.

Среди бывших ссыльных выделялись *анакореты, островитяне особого назначения* (с. 36), и молчуны, сторонившиеся общения, как, например, *недобитый старовер Чепчунов* (с. 30) и его единоверцы. Именно в Сибири «внутренний человек» обретал личное пространство, способствующее углублению в собственное «я».

В массе своей сибиряки независимо от социального происхождения и недавнего прошлого предпочитают домашние посиделки. В тексте романа запечатлены яркие сцены *складчин*: *Сегодня у нас складчины. Сегодня – в нашем доме. <...> Складчина – это надо с собой принести что-нибудь специально приготовленное поесть, закусить и свое же основное – выпить. Несут свое, не магазинное. У нас на магазин тратятся редко – роскошь* (с. 17). *Собирается складчина к раннему полудню, сидят весь день* (там же). Доверительное общение, песни под гармонь греют душу, позволяют отвлечься от суровой обыденности, почувствовать родство с близкими по духу. Пространство собственного дома расширяется: открытые двери объединяют.

По наблюдениям автора, ментальной особенностью сибиряков является их «другоценризм» – стремление поддерживать пострадавших. *Чисто сибирская традиция. И слово здешнее, сибиряцкое. Кому-то надо помочь. Поэтому – по́мочь. Собираются мужики с улицы в выходной с раннего утра со своим плотницким инвентарем и всем миром весь день истово помогают хозяину. <...> Две по́мочи – и дом на живульку в основном готов. <...> Смолевым дом построили. Шпакам помогли. Микрюковы дом с по́мощью поставили* (с. 14, 15).

Настоящие мужики, мастеровые, все могут сделать своими руками. Они сосланные со всей страны и спецпереселенные (с. 15). Именно они, лишенцы, понимают необходимость собственной крыши над головой, пространства для семьи. Резюме коренного сибиряка: *Работающий народ попадал в советскую большевистскую ссылку* (с. 15).

С течением времени лесозавод начал ощущать дефицит кадров. К работе стали привлекать *вербованных*: *Раньше лесозавод обходился старыми довоенными ссыльными... <...> А рабочих рук не хватает – не рвется советский народ работать на Могочинском лесозаводе. <...> Заводские кадровики шныряют по всему Союзу и вербуют более-менее подходящий народ. Жилье дают сразу. Но, понятно, это народ не ос-*

новательный. Перекати-поле. Долго не держатся, не задерживаются (с. 56). Вербованные (контрактники) в большинстве своем в Сибири не оставались, носителями сибирской ментальности не становились. Да и после распада СССР *нефтяные генералы*, олигархи сумели стать новыми хозяевами, но не сибиряками. Для них сибирское пространство *родным* не стало.

Вернемся к характеристике ментально-специфического типажа, отметив, что незапрограммированное следствие сталинских репрессий – органический интернационализм сибиряков. Своими становятся *хохлы, немцы поволжские, еврей Морс Иваныч, староверы уральские, недосланные поляки, случайно оказавшийся [здесь] финн дядя Арно* (с. 15).

Всех сибиряков, независимо от этнической принадлежности и сурового прошлого, связывают русский язык – *гениальный язык* (с. 267) и *невероятные слова* – регионализмы, понятные каждому: *наше слово – читай, поэма... сколько ассоциаций рождает* (с. 267). Слово хранит образные представления об укладе домашнего быта, вещном мире и сложившихся традициях: *У русской печи стоят свои приборы. Незаменимый ухват – вилы для чугунков, сковородник – тот же ухват, но для разных сковородок... <...> Деревянная плоская лопата сажала – хлебы в печь сажать. <...> И не хлеб сажать – именно хлебы. <...> Так надо* (с. 58). Культурно-специфические номинации разъясняются с опорой на исторически сложившийся типаж сибиряка: *Старик ласковый ... дед Максим, наверное, прямо в обласке родился* (с. 54). *Обласок* – древний водоходный корабль из ствола осины – на одного матроса-пассажира (там же).

Характерологическая особенность анализируемого текста – компрессированные высказывания-зарисовки, которые включают стенограммы судебных и составляют стержень сибирской саги. Настаивая на том, что *историческое время может быть переживаемо только сердцем*, автор трактует время как категорию сердца (с. 379), включенную в необъятное пространство. Герой своего времени – *Ермак*. Именно он возглавил движение народного освоения Сибири – *русский народ рвался из европейских теснин в азиатский простор* (с. 259), искал свою правду.

Настоящий сибиряк – личность многогранная. Он *всё умеет, всё ему по силам: сил прорва* (с. 265). Отдельные зарисовки: *Никон Куйбин – местная рыбацкая знаменитость – словил царя-рыбу* (с. 237); *Дед Кузьма. <...> Он зачем в Сибирь шел? Свою тайгу искал* (с. 64); *Дед... <...> Пантелеймоном Михайлычем кличут. <...> Воевал, попал в окруженье. <...> В лагерь «Медведь» поначалу попал. <...> Бежал. <...> Французы помогли. <...> В сопротивлении участвовал. <...> Войну в Берлине кончил. <...> Старик строит детские ясли. Наверное, это символично, когда старые воители строят младенцам ясли* (с. 107–111); *Шурин Володя, опытный таежник... <...> Работал на мотовозе, передовой был мотоводитель, вывозил из тайги лес в хлыстах* (с. 73).

Находят свою Сибирь и дарят ее народу писатели и художники. Патриархи сибирской литературы Распутин, Вампилов *решили обособиться прямо на байкальском берегу* (с. 393). Они доказали, что *русская книга сиротой не останется* (с. 396), раскрыли *смысл бытия. Простой сибирский мужик Бахлыков, распираемый талантами, – первый наив Сибири – в живописи. Живописал, как умел, а умел пронзительно трогательно. Десятилетиями собирал в тайге и собрал музей традиционного сибирского быта* (см. с. 264). Сибирская литература, сибирская живопись напоминают о главном, позволяют приблизиться к разгадке великой тайны Сибири.

* * *

169 рассказов и новелл складываются в романе Анатолия Омельчука в сагу о Сибири и сибиряках. Вербализация в нем взаимосвязанных текстовых категорий пространства, линейного и причинного времени и образа автора способствует формированию ментально-специфического типажа сибиряка. Социокультурный типаж сибиряка – человека незаурядного, одаренного, правдоискателя – конструируется на основе констант сибирской ментальности в контексте уникального географического пространства, дарящего и внешнюю свободу (волю), и внутреннюю – возможность погружения в себя. Будучи человеком «внутренним», сибиряк утверждает собственное «я», познавая природу и сливаясь с ней. Он ищет духовной близости с земляками и готов оказывать им бескорыстную *помочь*. Его золотые руки служат людям. Он является хранителем культурного наследия, носителем и творцом русского языка. Автор-повествователь, *ощущая счастье сибирских слов*, посвящает свое творчество Сибири – исконно русской земле: *Мне повезло. Я родился в деревне, в России. Удивительная страна* (с. 397). Богатство России – необозримое свободное пространство Сибири: *...если где исконная истинная Русь еще и осталась, то исключительно в Сибири* (с. 469) – хранильнице общенационального культурного наследия.

Библиографические ссылки

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки рус. культуры, 1999. 895 с.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. М. : Искусство, 1979. 424 с.
- Белый А. История становления самосознающей души : в 2 кн. М. : ИМЛИ РАН, 2020. Кн. 1. 640 с.
- Быков Л. П. Материк Сибирь // Независ. газ. : [сайт]. 2011. 28 июля. URL: <https://nvo.ng.ru/authors/16379/> (дата обращения: 07.06.2024).
- Вайль П., Генис А. Мир советского человека. М. : Новое лит. обозрение, 2001. 368 с.
- Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. 380 с.
- Виноградов В. В. О теории художественной речи. М. : Высш. шк., 1971. 239 с.
- Дворцова Н. П. Северный миф Анатолия Омельчука // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2012. № 1. С. 209–212.

Дворцова Н. П. Омельчук Анатолий Константинович // Науч. б-ка Томск. гос. ун-та : [сайт]. URL: http://wiki.lib.tsu.ru/wiki/%D0%9E%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%87%D1%83%D0%BA_%D0%90%D0%BD%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 22.07.2024).

Зона : стихи / сост. Н. Домовитов. Пермь : Книж. изд-во, 1990. 573 с.

Карасик В. И. Языковая лестница познания. М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2022. 462 с.

Купина Н. А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 176 с.

Матвеева Т. Категориально-текстовый анализ речевого произведения: обоснование и применение метода // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 3. С. 901–920. DOI 10.15826/qg.2024.3.915.

Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д : Феникс, 2010. 562 с.

Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий : синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 172 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

Ностальгия по советскому / отв. ред. З. И. Резанова. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2011. 514 с.

Омельчук А. К. Река возвращается : сибирский роман. Тюмень : Тюмен. дом печати, 2015. 520 с.

Пархоменко Т. А. Культурное наследие России сквозь призму истории, смыслов и ценностей // Культурное наследие – от прошлого к будущему. М. ; СПб. : Ин-т наследия, 2022. С. 124–140.

Реки – по Омельчуку – возвращаются // Тюменская область сегодня : [сайт]. 2013. 07 июня. URL: <https://tumentoday.ru/2013/06/07/112807/> (дата обращения: 03.06.2024).

Рубинштейн Л. Причинное время. М. : АСТ, 2016. 460 с.

ТСУ – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. И. Ушакова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940. Т. 1. 1562 с. Т. 3. 1424 с.

Франк С. Л. «Я» и «Мы» : социально-философский набросок // Сборник статей, посвященных Петру Бернгардовичу Струве ко дню тридцатипятилетия его научно-публицистической деятельности. Прага : Пламя, 1925. С. 439–449.

Язык советской эпохи: истоки, традиции, современное восприятие. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 254 с.

References

Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [The Language and World of Humans]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 895 p.

Bakhtin, M. M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creation] / ed. by S. G. Bocharov. Moscow, Iskustvo. 424 p.

Belyi, A. (2020). *Istoriya stanovleniya samosoznayushchei dushi v 2 kn.* [The Story of the Formation of the Self-Conscious Soul. 2 Books]. Moscow, Institut mirovoi literatury RAN. Book 1. 640 p.

Bykov, L. P. (2011). *Materik Sibir'* [The Siberian Continent]. In *Nezavisimaya gazeta* [website]. July 28. URL: <https://nvo.ng.ru/authors/16379/> (accessed: 07.06.2024).

Domovitov, N. (Ed.). (1990). *Zona. Stikhi* [Penitentiary. Poems]. Perm, Knizhnoe izdatel'stvo. 573 p.

Dvortsova, N. P. (2012). *Severnyi mif Anatoliya Omel'chuka* [Anatoly Omelchuk's Northern Myth]. In *Vestnik Tyumenskogo gosudarsvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*. No. 1, pp. 209–212.

Dvortsova, N. P. (N. d.). Omel'chuk Anatolii Konstantinovich [Omelchuk Anatoly Konstantinovich]. In *Nauchnaya biblioteka Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [website]. URL: http://wiki.lib.tsu.ru/wiki/%D0%9E%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%87%D1%83%D0%BA_%D0%90%D0%BD%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (accessed: 22.07.2024).

Frank, S. L. (1925). „Ya” i „My”: sotsial'no-filosofskii nabrosok ['I' and 'We': A Socio-philosophical Essay]. In *Sbornik statei, posvyashchennykh Petru Berngardovichu Struve ko dnyu tridsatipyatiletiya ego nauchno-publitsisticheskoi deyatel'nosti*. Praga, Plama, pp. 439–449.

Karasik, V. I. (2022). *Yazykovaya lestnitsa poznaniya* [The Linguistic Ladder of Cognition]. Moscow, Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka imeni A. S. Pushkina. 462 p.

Kupina, N. A. (1999). *Yazykovoe soprotivlenie v kontekste totalitarnoi kul'tury* [Language Resistance in the Context of Totalitarian Culture]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1999. 176 p.

Matveeva, T. V. (1990). *Funktsional'nye stili v aspekte tekstovykh kategorii. Sinkhronno-sopostavitel'nyi ocherk* [Functional Styles in the Aspect of Textual Categories. A Synchronic-comparative Essay]. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 172 p.

Matveeva, T. (2024). Kategorial'no-tekstovoi analiz rechevogo proizvedeniya: obosnovanie i primenenie metoda [Categorical-textual Analysis of a Speech Work: Rationale and Application of the Method]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12. No. 3, pp. 901–920. DOI 10.15826/qr.2024.3.915.

Matveeva, T. V. (2010). *Polnyi slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete Dictionary of Linguistic Terms]. Rostov-on-Don, Feniks. 562 p.

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (1998). *Tolkovyi slovar' yazyka Sovdep'ii* [Explanatory Dictionary of the Language of Sovdepia]. St Petersburg, Folio-Press. 704 p.

Omelchuk, A. K. (2015). *Reka vozvrashchaetsya. Sibirskii roman* [The River Returns. A Siberian Novel]. Tyumen, Tyumenskii dom pechati. 520 p.

Parkhomenko, T. A. (2022). Kul'turnoe nasledie Rossii skvoz' prizmu istorii, smyslov i tsennosti [Russia's Cultural Heritage through the Prism of History, Meanings, and Values]. In *Kul'turnoe nasledie – ot proshlogo k budushchemu*. Moscow, St Petersburg, Institut naslediya, pp. 124–140.

Reki – po Omel'chuku – vozvrashchayutsya [Rivers – According to Omelchuk – Return]. (2013). In *Tyumenskaya oblast' segodnya* [website]. Juny 7. URL: <https://tumentoday.ru/2013/06/07/112807/> (accessed: 03.06.2024).

Rezanova, Z. I. (Ed.). (2011). *Nostal'giya po sovetskomu* [Nostalgia for the Soviet]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 514 p.

Rubinstein, L. (2016). *Prichinnoe vremya* [Causal Time]. Moscow, AST. 460 p.

TSU – Ushakov, D. I. (Ed.). (1935–1940). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. 4 Vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei. Vol. 1. 1562 p. Vol. 3. 1424 p.

Vail', P., Genis, A. (2001). *Mir sovetskogo cheloveka* [The World of the Soviet Man]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 368 p.

Vepreva, I. T. (2002). *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epokhu* [Language Reflection in the Post-Soviet Era]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 380 p.

Vinogradov, V. V. (1971). *O teorii khudozhestvennoi rechi* [On the Theory of Artistic Speech]. Moscow, Vysshaya shkola. 239 p.

Yazyk sovetskoi epokhi: istoki, traditsii, sovremennoe vospriyatie [The Language of the Soviet Era: Origins, Traditions, Modern Perception]. (2018). St Petersburg, Izdatel'stvo Rossiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena. 254 p.

The article was submitted on 17.01.2024